

УДК 75(092)
ББК 85.143(3)-8
В17

Серия «Эксклюзивная классика»
Vincent Willem van Gogh
VAN GOGH'S LETTERS
Перевод с английского *П. Мелковой*
Серийное оформление *Е. Фerez*
Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Ван Гог, Винсент.

В17 Письма к брату Тео / Винсент Ван Гог ; [пер. с англ. П. Мелковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-105944-6

«Человек испытывает потребность в немалом — в бесконечности и чуде — и правильно поступает, когда не довольствуется меньшим и не чувствует себя в мире как дома, пока эта потребность не удовлетворена», — возможно, эта фраза из одного из писем Винсента Ван Гога к брату Тео, как никакая иная, раскрывает суть души великого художника, вечно бредущего по крестному пути поисков совершенства.

«Письма к брату Тео» — поразительный по силе и искренности человеческий документ, повествующий не только о фактах недолгой и трагической жизни Винсента Ван Гога, но и о том, какая огромная внутренняя работа, какое духовное содержание стояло за каждой картиной этого не признанного при жизни гения...

УДК 75(092)
ББК 85.143(3)-8

© Перевод. П. Мелкова,
наследники, 2017

ISBN 978-5-17-105944-6

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ГОЛЛАНДСКИЙ ПЕРИОД

Гаага, август 1872 — май 1873

Винсент Биллем Ван Гог родился 30 марта 1853 г. в Гроот Зюндерте (Северный Брабант) в семье пастора Теодора Ван Гога (1822–1885).

Скитания и мытарства будущего художника начались 30 июля 1869 г., когда шестнадцатилетний Винсент поступил младшим продавцом в гаагский художественный салон — филиал парижской фирмы «Гупиль и К°». Отсюда в 1872 г. Винсент пишет первые письма своему младшему брату Тео, который еще живет с семьей и учится в школе.

Решение определить Винсента, а вслед за ним и Тео (Теодора Ван Гога — младшего, 1857–1891) в торговлю художественными произведениями укрепилось в семье под влиянием дядей: Хендрика Винсента (дядя Хейн), Винсента (дядя Сент, или, как он иногда упоминается в письмах, дядя С.), компаньона фирмы «Гупиль и К°», и Корнелиса Маринюса (дядя Кор, или, как он часто называется в письмах, К. М.). Все три дяди были торговцами картинами и эстампами.

Лондон, июнь 1873 — май 1875

В мае 1873 г. Винсент был переведен из Гааги в Лондонский филиал фирмы. Здесь, в Лондоне, Ван Гог переживает первую любовь и первое разочарование (дочь

квартирной хозяйки, в которую Винсент был влюблен, уже тайно обручилась). В подавленном состоянии проводит он дома свой отпуск (июль 1874 г.). С этих пор он ведет замкнутый образ жизни и начинает проявлять болезненный интерес к религии, что в значительной мере было предопределено воспитанием Винсента в семье сельского пастора. Дядя Сент, желая исправить положение, добивается в октябре 1874 г. временного перевода Винсента в Париж. Январь — первую половину мая 1875 г. Винсент снова проводит в Лондоне.

Париж, май 1875 — март 1876

В середине мая 1875 г. Винсент против своего желания был снова переведен в Париж. Работа в художественном салоне постепенно все более претит ему. 1 апреля 1876 г. Винсент навсегда расстается с фирмой «Гупиль и К°».

Рамсгейт и Айлворт, апрель—декабрь 1876

После разрыва с фирмой «Гупиль и К°» в жизни Ван Гога наступает длительный период поисков и блужданий. Его всегдашнее желание быть полезным людям находит в это время выход в стремлении стать учителем, а затем, под влиянием усиливающегося болезненного интереса к религиозным вопросам, проповедником.

В апреле 1876 г. он с согласия родителей принимает место учителя и воспитателя в частной школе мистера Стокса в Рамсгейте в Англии. В июне школа, а вместе с ней и Винсент переезжают в Айлворт. Перерыв в занятиях он использует для посещения Лондона и Уэлина, где в это время живет его сестра Анна. С 1 июля он работает помощником проповедника в школе методистского пастора мистера Джонса.

Дордрехт, январь–апрель 1877

Начало 1877 г. Ван Гог работает продавцом в книжном магазине фирмы «Блюссе и ван Браам» у господина Брата в Дордрехте, но идея «служения Богу и Евангелию» не оставляет его. Ван Гог решает поступить на богословский факультет Амстердамского университета.

Амстердам, май 1877 — июль 1878

Вся семья Ван Гог с участием отнеслась к стремлению Винсента учиться: родители оказывали материальную помощь, дядя Ян (Ян ван Гог, директор Амстердамской морской верфи) предоставил жилище, дядя Стриккер (муж старшей сестры матери Винсента, священник) взял на себя наблюдение за учебой. Подготовительные занятия должны были продолжаться два года. Но Винсент выдержал только один год. Жажда практической деятельности и разочарование в университетской теологии заставили его бросить учебу.

30 мая 1877

В твоём письме была фраза, поразившая меня: «Я хотел бы уйти от всего, я сам причина всего и доставляю другим лишь неприятности, я один навлек эту беду на себя и других». Эти слова так поразили меня потому, что точно такое же чувство, то же самое, ни больше и ни меньше, испытываю в душе я. Когда я думаю о прошлом, когда я думаю о будущем — о почти непреодолимых трудностях, о большой и тяжелой работе, к которой у меня не лежит душа и от которой я, вернее, мое дурное «я» охотно бы уклонилось; когда я думаю о многих людях, чьи глаза наблюдают за мной, я предвижу, что, если у меня ничего не выйдет, они поймут, в чем дело, и не станут осыпать меня мелочными упреками, но,

будучи искушенны и опытны во всем, что хорошо, честно и справедливо, всем своим видом скажут: «Мы помогали тебе и были для тебя светочем; мы сделали для тебя все, что могли. В полную ли меру своих сил ты трудился? Где же плоды нашего труда и награда за него?» Видишь ли, когда я размышляю обо всем этом и еще о многих вещах, слишком многих, чтобы я мог тебе их перечислить, — о трудностях и заботах, которые отнюдь не уменьшаются с возрастом, о страданиях, разочарованиях, о страхе перед неудачей и даже позором, — тогда и мне не чуждо это желание — уйти от всего!

И все же я иду вперед, но осторожно и в надежде, что мне удастся побороть все эти опасения, что я найду ответ на упреки, которые угрожают мне; иду с верой, что, несмотря на все стоящие передо мной препятствия, я все же достигну желанной цели и, если захочет Бог, оправдаюсь в глазах тех, кого люблю, и тех, кто придет после меня.

Амстердам, 12 июня 1877

У меня каждый день очень много дела, так что время идет быстро и дни кажутся слишком короткими, даже когда я их немного растягиваю: я испытываю огромную потребность двигаться вперед, хорошо и основательно изучить Писание и, кроме того, узнать массу вещей, например то, что я переписал для тебя о Кромвеле: «Pas un jour sans une ligne*». Если я буду каждый день упорно писать, читать, работать и учиться, я, несомненно, чего-то достигну...

* Pas un jour sans une ligne (*фр.*) — ни дня без строчки.

Сегодня утром без четверти пять здесь началась ужасная гроза; чуть позже, под проливным дождем, в ворота верфи влился первый поток рабочих. Я встал и вышел во двор, захватив с собой несколько тетрадей. Я сел в беседке и стал их читать, одновременно наблюдая за верфью и доками. Тополя, бузина и другие кустыгнулись под неистовым ветром, дождь колотил по деревянным стапелям и палубам кораблей; шлюпки и парходик шныряли взад и вперед, а вдаль у деревни, на противоположной стороне залива Эй, виднелись коричневые, быстро уходящие паруса, дома и деревья на Бейтенкант и пятна более ярких цветов — церкви. Снова и снова слышались раскаты грома и сверкали молнии, небо было как на картине Рейсдаля, низко над водой носились чайки.

Это было величественное зрелище и подлинное облегчение после вчерашней томительной жары...

Ну, мне пора опять за работу: сегодня у меня нет урока, но зато завтра утром — два часа подряд, а мне еще надо много приготовить. Историю Ветхого Завета я прошел до Самуила включительно, теперь сегодня вечером возьмусь за «Царства», а когда справлюсь с ними, это уже будет кое-что.

Когда я вот так пишу и пишу, я время от времени произвольно набрасываю небольшой рисунок, вроде того, что недавно послал тебе; сегодня утром, например, я сделал эскиз — Илья в пустыне под грозовым небом; на переднем плане несколько терновых кустов; словом, ничего особенного, но иногда все это так живо предстает передо мною, и я верю, что в такие минуты мог бы говорить об этом с истинным воодушевлением. Дай Бог, чтобы я когда-нибудь получил такую возможность!

Амстердам, 9 января 1878

К. М. спросил меня сегодня, нахожу ли я красивой «Фрину» Жерома, а я ответил, что мне гораздо больше нравится уродливая женщина Израэльса или Милле или старуха Эд Фрера. Что, в сущности, значит такое красивое тело, как у этой Фрины? Физической красотой обладают и звери, может быть, даже в большей степени, чем люди, но души, живущей в людях, которых пишут Израэльс, Милле или Фрер, звери не имеют. А разве жизнь дана нам не затем, чтобы мы обладали богатой душой, даже если при этом страдает наша внешность?

Амстердам, 3 апреля 1878

Я снова размышлял о том, что мы обсуждали, и мне невольно вспомнились слова: «*Nous sommes aujourd'hui ce que nous etions hier**». Они не означают, что нужно остановиться на месте и бояться развивать себя, напротив, делать это действительно необходимо. Однако, чтобы соблюсти верность этим словам, надо не отступать и, начав смотреть на вещи чистым и доверчивым взглядом, всегда сохранять его чистоту и доверчивость.

Те, кто сказал: «*Nous sommes aujourd'hui ce que nous etions hier*», были «*honnetes hommes***», что становится ясным из конституции, которую они сочинили. Данный закон хорош для всех времен, и о нем говорится, что он написан «*avec le rayon d'en haut****»

* *Nous sommes aujourd'hui ce que nous etions hier* (фр.) — сегодня мы такие, какими были вчера.

** *Honnetes hommes* (фр.) — честными людьми.

*** *Avec le rayon d'en haut* (фр.) — высшими силами.

и «d'un doigt de feu*». Конечно, неплохо быть «honnete homme» и стремиться стать еще более «honnete», но прав тот, кто убежден, что сверх этого нужно обладать еще «homme interieur et spirituel**».

Знай я наверняка и твердо, что принадлежу к числу таких людей, я всегда спокойно и неуклонно шел бы своим путем, не сомневаясь, что достигну цели. Был однажды человек, который в определенный день направился в церковь и спросил: «Может ли быть так, что мое рвение обмануло меня, что я вступил на неверный путь и что я его плохо начал? Ах, если бы я освободился от этой неизвестности и был бы твердо убежден, что в конце концов смогу победить и добиться успеха!» И вот однажды ему ответил голос: «А что бы ты сделал, если бы знал это твердо? Поступай так, словно ты это точно знаешь, и не будешь посрамлен». И пошел человек своим путем, но уже не без веры, а с верой и вернулся к своей работе, больше не сомневаясь и не колеблясь.

Мы еще много говорили о том, что является нашим долгом и как можно достичь в жизни чего-нибудь хорошего, и пришли к выводу, что пока у нас должна быть одна цель — найти себе определенное занятие и профессию, которым мы могли бы целиком посвятить себя.

Я полагаю, что мы были единомышленны и в другом пункте, а именно: во всяком деле цель, и победа, за которую платишь целой жизнью напряженного труда, дороже, чем та, которую одерживаешь походя.

* D'un doigt de feu (фр.) — огненной рукой.

** Homme interieur et spirituel (фр.) — богатым внутренним миром.

Тот, кто живет честно, кто познает подлинные трудности и разочарования, но не сгибается, стоит больше, чем тот, кому везет и кто знает лишь сравнительно легкий успех.

Кто же тогда те, в ком мы наиболее явственно замечаем признаки высшей жизни? Это те, к кому относятся слова: «Труженики, ваша жизнь печальна, труженики, вы страдаете в жизни, труженики, вы блаженны», те, кто несет на себе печать «целой жизни борьбы, труда и неколебимого постоянства».

Стараться стать таким — благо. Итак, пойдем вперед нашим путем «*indefessi favente Deo**». Что касается меня, то я должен стать настоящим священником, который умеет дать верный и полезный совет в жизни; поэтому, быть может, хорошо, что я получил сравнительно долгое время на основательную подготовку и успею прочно укрепиться в вере, прежде чем буду призван проповедовать ее другим...

Если только мы постараемся жить честно и праведно, нам будет хорошо даже при неизбежных и глубоких горестях и разочарованиях; мы, вероятно, не избежим тяжелых заблуждений и дурных поступков, но, несомненно, лучше обладать горячим сердцем, даже если это стоит нам лишних ошибок, чем быть ограниченным и чрезмерно осторожным. Нужно любить — любить как можно больше, ибо в любви и заключается подлинная сила, и кто много любит, тот делает много и способен на многое, и что делается с любовью, то делается хорошо. Если тебя волнует то или иное произведение — например, «Ласточки», «Жаворонок», «Соловей», «Осенние надежды»,

* *Indefessi favente Deo* (лат.) — неутомимости Божьей.

«Я вижу здесь некую даму», «Я любил этот странный городок» Мишле, — то это потому, что оно написано от души, без прикрас и с кротостью сердечной.

Лучше говорить меньше, но выбирать такие слова, в которых много смысла, чем произносить длинные, но пустые речи, столь же бесполезные, сколь легко произносятся.

Человеку нужно лишь неизменно любить то, что достойно любви, а не расточать свое чувство на предметы незначительные, недостойные и ничтожные, и он будет становиться все сильнее и проникательнее. Чем раньше осваиваешься с определенным кругом работы и определенной профессией, чем раньше обретаешь относительно самостоятельное мышление и образ действий и чем строже придержишься твердых правил, тем более твердый характер ты воспитываешь в себе; при всем том следует, как можно больше стараться не впасть в ограниченность.

Кто поступает таким образом, тот мудр, потому что жизнь коротка и время бежит быстро; кто утверждает в чем-то одном и как следует овладевает одной профессией, тот получает представление и знания и о многих других вещах.

Порой очень полезно почаще бывать на людях и общаться с ними, а иногда мы просто обязаны и призваны это делать; но увереннее всего чувствует себя в мире, среди людей, тот, кто предпочитает тихо и одиноко заниматься своим делом и ограничивает себя узким кругом друзей.

Даже если у тебя нет забот, трудностей и препятствий, все равно не следует быть самоуверенным: нельзя относиться ко всему слишком легко. Даже вращаясь в самых образованных кругах, находясь в самой

лучшей среде и условиях, мы должны сохранять в себе нечто самобытное, нечто от Робинзона Крузо или естественного человека, так как иначе у нас не будет опоры в самих себе. Не давай остыть пылу души своей, а, напротив, поддерживай его. Кто избрал своим уделом бедность и любит ее, тот владеет безмерным сокровищем и никогда не станет глух к голосу совести; этот внутренний голос — лучший дар Господа: кто слышит Его и повинуется Ему, тот наконец обретает в Нем друга и никогда не бывает одинок.

Счастлив тот, кто верит в Бога, потому что он, пусть не без усилий и горестей, в конце концов превозмогает все трудности жизни.

Самое лучшее — при всех обстоятельствах, на любом месте и во все времена сохранять мысль о Боге и стараться побольше узнать о Нем, а это можно сделать, читая Библию, равно как и разные другие источники. Хорошо верить, что все в мире чудесно, все лучше, чем можно себе представить, потому что в этой вере — правда; хорошо остаться порядочным, скромным и иметь доброе сердце, даже если придется скрывать свою доброту, как это часто бывает необходимо; хорошо знать многое, что скрыто от мудрецов и мыслителей мира сего, но от природы понятно людям бедным и простым, женщинам и детям. Разве можно познать что-нибудь лучшее, нежели то, что Бог от рождения вложил в каждую человеческую душу, которая живет и любит, надеется и верит, если только она злодейски не искалечена?

Человек испытывает потребность в немалом — в бесконечности и чуде — и правильно поступает, когда не довольствуется меньшим и не чувствует себя в мире как дома, пока эта потребность не удовлетворена.

Это и есть кредо, которое выразили в своих произведениях все хорошие люди; все, кто думал глубже, искал чего-то более высокого, работал и любил больше, чем остальные; все, кто проник в самые глубины моря житейского. Проникать в глубины должны и мы, если хотим что-то поймать; а если иногда нам случается проработать всю ночь и ничего не достичь, то и тогда лучше не отступаться и еще раз закинуть сеть в утренние часы.

Будем же спокойно идти вперед, и пусть каждый на своем пути всегда стремится к свету: *sursum corda** зная, что мы — такие же, как другие, что другие — такие же, как мы, и что человеку хорошо жить среди себе подобных, твердо веруя, нерушимо надеясь, все претерпевая и всегда стремясь избежать гибели.

И не надо принимать слишком близко к сердцу свои недостатки, ибо тот, у кого их нет, все же страдает одним — отсутствием недостатков; тот же, кто полагает, что достиг совершенной мудрости, хорошо сделает, если поглупеет снова. *Nous sommes aujourd'hui ce que nous etions hier*, а именно *honnetes hommes*, но такие, которым предстоит закалиться в огне жизни, чтобы внутренне окрепнуть и утвердиться в том, что по милости Божьей дано нам от рождения.

Эттен и Брюссель, июль–ноябрь 1878

Желание быстрее получить возможность практически приложить свои силы приводит Винсента в основанную пастором де Йонге и руководимую учителем Бокма мис-

* *Sursum corda* (лат.) — всем сердцем.

сионерскую школу в Лакене, около Брюсселя. Но после трехмесячного испытательного срока (15 августа — 15 ноября 1878 г.), во время которого Винсент, как вспоминали впоследствии его соученики, не выказал необходимого послушания, он был вынужден покинуть школу и отправился на собственный страх и риск проповедовать Евангелие в Боринаж — крупнейший центр добычи угля в Южной Бельгии.

Лакен, 15 ноября 1878

Прилагаю упомянутый набросок «На шахту». Мне очень хочется попробовать делать беглые наброски то с одного, то с другого из бесчисленных предметов, которые встречаешь на своем пути, но, поскольку это, возможно, отвлечет меня от моей настоящей работы, мне лучше и не начинать. Придя домой, я сразу же начал работать над проповедью о бесплодной смоковнице, Лук., XIII, 6—9.

Маленький рисунок «На шахту» действительно не представляет собой ничего особенного, но я набросал его совершенно произвольно, потому что здесь видишь очень много людей, которые работают на шахтах, а это совсем особая порода. Домишко стоит неподалеку от бечевника, это, по существу, маленький кабачок, пристроенный к надшахтным строениям; во время обеденного перерыва туда заходят рабочие, чтобы съесть свой хлеб и выпить стакан пива.

В свое время в Англии я пробовал найти себе место проповедника среди горнорабочих, на угольных шахтах, но тогда на мою просьбу не обратили внимания; мне сказали, что наименьший возраст для такой должности — двадцать пять лет. Ты хорошо знаешь,

что одна из основных истин Евангелия, и не только его, но Писания в целом, — «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Через тьму к свету. Так кто же больше всего нуждается в этом свете, кто наиболее восприимчив к нему? Опыт показывает, что тех, кто работает во тьме, в черных недрах земли, как, например, углекопов, глубоко захватывают слова Евангелия и что они верят в них. Так вот, на юге Бельгии, в Эно, поблизости от Монса, до самой французской границы и далеко за нее простирается местность под названием Боринаж, своеобразное население которой состоит из горняков, работающих на бесчисленных угольных шахтах. Вот что я, между прочим, прочел о них в одном маленьком географическом справочнике: «Боринажцы (жители Боринажа, местности к западу от Монса) занимаются исключительно добычей угля. Внушительное зрелище представляют собой эти уходящие на 300 м под землю шахты, куда изо дня в день спускается рабочее население, достойное нашего уважения и симпатии. Углекоп — это особый человеческий тип, характерный для Боринажа: дневной свет для него не существует — он наслаждается солнечными лучами только по воскресеньям. При свете лампы, струящей слабый, тусклый свет, трудится он в тесном забое скрючившись, а то и лежа, чтобы вырвать из лона земли уголь, который, как всем известно, приносит нам такую большую пользу. На работе он непрерывно подвергается тысячам опасностей, но бельгийский шахтер обладает счастливым характером: он привык к такому образу жизни и, спускаясь в шахту, во тьме которой ему светит лишь прикрепленная к его шапке маленькая лам-